

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

Часть I

Глава 1

В которой рассказывается о квартире в особняке и мыслях, которые она навеяла своему будущему владельцу, и о том, что он увидел в старинном зеркале

— Да вы сейчас сами все увидите. Прошу! — Олеся, представитель крупного агентства недвижимости «АРК», распахнула дверь и отступила, пропуская клиента. Леонид сделал было шаг вперед, но один из охранников (Павел, кажется, Голубев вечно их путал) мягко отодвинул его и вошел первым. Мало ли какие неожиданности могли подстергать большого босса за незнакомой дверью.

Телохранители, следующие за ним по пятам; журналисты с их интервью, статьями и этими дурацкими фотографиями («Поверните, пожалуйста, голову чуть вправо и сделайте задумчивое лицо!»); модные поездки и выходы в свет; мишура из стильных гал-

стуков, дорогих часов и роскошных автомобилей — во всем этом он чувствовал привкус ненастоящего, будто и впрямь игрового или киношного. Но что поделаешь, если так принято! Голубев любил свое дело, не представлял себе жизни без него, а внешнюю атрибутику, сопровождающую его работу, воспринимал просто как неизбежное дополнение к ней, скучноватую обязанность, которую никак нельзя переложить на чужие плечи.

Дождаясь приглашения охранника, Леонид от нечего делать рассматривал свою спутницу. Что греха таить, девушка ему нравилась. Стройная, ухоженная, с отличной короткой стрижкой, нарочно выглядящей слегка растрепанной, будто ее обладательница только что подняла голову от подушки, легкая... Однако симпатия Голубева была вызвана не столько ее внешностью, сколько тем, как она вела себя. Другие риелторы, узнав, с кем имеют дело, или принимались лебезить перед «жирным» клиентом, или, наоборот, напускали на себя самодовольный, чтобы не сказать — пренебрежительный вид, дескать, нас «денежными мешками» не удивишь, у нас и покруче народ бывает. Олеся же не впадала ни в ту, ни в другую крайность. Она была вежлива, внимательна и предупредительна, но в то же время держалась с достоинством и некоторой отстраненностью. Такой стиль Леонид наблюдал в Западной Европе и был приятно удивлен, встретив его в Москве. У него действительно было несколько интересных предложений возможного жилья в столице, но первым он решил посмотреть именно этот вариант от агентства «АРК». Конечно, ему понравилось, что квартира

занимает половину этажа в старинном особняке с небольшим садом за художественной оградой, да еще не где-нибудь, а на Бульварном кольце. Сыграло свою роль и то, что Голубев давно знал владельца «АРКа» Витю Волошина¹. Но все-таки — Леонид вынужден был себе признаться — более всего на его выбор повлияла именно Олеся.

Она стояла рядом с ним спокойно, с естественной улыбкой, не выражала нетерпения или недовольства и не пыталась обязательно заполнить возникшую паузу никчемной болтовней.

«Сколько ей может быть лет? Около двадцати пяти, а то и меньше... — думал Леонид, любуясь точеной фигуркой и длинными стройными ножками, затянутыми в высокие сапоги на шпильке — роста девушка была не слишком высокого. — Ну да, родилась в начале восьмидесятых, и назвали ее наверняка в честь модной песни, по которой мы все тогда с ума сходили. Как там... «Олеся, Олеся, Олеся — так птицы кричат в поднебесье...» Значит, я старше ее больше чем на тридцать лет. Она могла бы быть моей дочерью. А я, старый хрен, стою тут и облизываюсь... Правду в народе говорят — седина в бороду... Черт, как же быстро прошла жизнь! Ничего почти не успел, кроме работы, ничего и не видел, толком, можно сказать, и не жил — а уже пора на свалку!»

Он торопливо отвел глаза, точно боялся, что юное создание сможет прочитать его мысли, и принялся оглядываться по сторонам.

¹ О происшедшей с Виктором Волошиным, владельцем риелторской компании «АРК», загадочной и таинственной истории рассказано в романе Олега Резепкина «Вдали от рая».

Площадка освещалась лампами дневного света, хотя в тот момент в этом не было никакой необходимости — через узкое высокое лестничное окно в особняк заглядывало не по-осеннему яркое солнце. Голубев любовался массивными деревянными перилами, которые, очевидно, не так давно отреставрировали и покрыли лаком, потом перевел взгляд на мраморные ступени, когда-то белые, но приобретшие от времени благородный оттенок слоновой кости. Лестница была в полном порядке, но при этом ступени выглядели слегка стертymi, точно просевшими под грузом воспоминаний... Моды, люди, правительства, эпохи менялись — а особняк на Бульварном кольце все стоял и, судя по всему, рушиться не собирался.

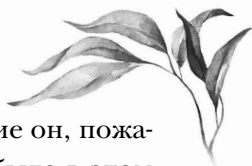
«Может, и правда это хорошая идея — поселиться в таком старом доме? — подумал с усмешкой Голубев. — По сравнению с ним я щенок. Ну что такое мои пятьдесят семь на фоне вечности? Этому особняку как минимум втрое больше...»

Ему захотелось поделиться своими мыслями с Олесей, но он не стал этого делать.

— Когда, вы говорите, был построен дом?

Ответить девушка не успела — в кармане его пиджака запиликал мобильник.

— Леонид Николаевич, это вас с телевидения беспокоят, — пропел голос настолько манерный, что Голубев даже не сумел понять, кто с ним говорит — мужчина или женщина. — Хочу напомнить, что мы ждем вас сегодня в «Останкино», в семнадцать ноль-ноль, на съемки ток-шоу.

Среди всей этой показухи телевидение он, пожалуй, не любил более всего. Ему трудно было в этом признаться даже себе, но держаться перед камерой спокойно Голубев так и не научился. Сколько уже было этих передач — а все равно каждый раз колени дрожали, голос срывался, а лоб и ладони были липкими. Приходилось держать себя в руках, тщательно скрывать неуверенность и в сотый раз принимать участие в беседе о проблемах производства в России, снова и снова выслушивать смертельно надоевшие вопросы о том, как ему, владельцу одного из немногих действительно процветающих отечественных промышленных предприятий, удастся удерживать свое детище на плаву. В зависимости от типа передачи Голубев то долго и подробно рассказывал, оперируя схемами и цифрами, то ограничивался заранее заготовленным кратким и остроумным замечанием, но про себя знал единственно верный ответ, который никогда не озвучивал: разве может не принести успех дело, которому ты посвятил себя целиком? Его предприятие, которое он продолжал называть для себя Заводом — хотя оно вот уже много лет как разрослось в огромную холдинговую структуру, включавшую не только производственный комбинат, но и крупную проектно-инвестиционную компанию, надежный банк, разветвленную сеть реализации, — было для него не просто работой. Долгое время вся его жизнь заключалась только в этом. Завод занимал все время бодрствования Голубева и даже снился, заменил семью, друзей и хобби. Так было до тех пор, пока в один совсем не прекрасный день Леонид, стоя перед зеркалом в ванной, вдруг

с ужасом не осознал, что как-то быстро и совершенно незаметно для себя состарился. Подтверждением тому стало не только его седое и обрюзгшее отражение в зеркале. Вдруг начала подводить память, испортились сон и аппетит, пропали силы во всех смыслах этого выражения и, в довершение всех бед, резко ухудшилось здоровье. Возраст напоминал о себе все чаще и бестактнее — несколько раз Голубева прямо со службы, после трудных переговоров или бурного заседания, увозили в больницу на «Скорой помощи». Врачи обнаружили целый букет недугов: гипертонию, сосудистые заболевания и, самое неприятное, спазмы головного мозга. Последний приступ был особенно тяжелым. Леонид еле выкарабкался и, вняв наконец настойчивым рекомендациям врачей, недвусмысленно указывавшим на серьезность положения, изменил привычный образ жизни. Не сразу, конечно, — поэтапно. Потихоньку он начал отходить от дел, перекладывать часть обязанностей на плечи помощников и заместителей, стал бывать на Заводе все реже и реже. Первое время, находясь вдали от своего детища, от привычного стола и кресла в родном кабинете, от зала заседаний с отделанными темным дубом стенами, от «конторы» — выстроенного еще в позапрошлом веке здания, где находилась администрация, от шумных грохочущих цехов, он чувствовал себя крайне неудобно, не зная, куда деваться и чем заняться. Вне Завода родной провинциальный город казался скучен и бесполезен. Леонид захандрил и впал в депрессию. Не радовали ни путешествия, ни покупка виллы на берегу Адриатического моря, ни строительство яхты — на

душе становилось все сквернее. Но неожиданно выручила Москва, где активно развивалось и столь же активно работало представительство его компании. Только в Москве, в ее суматохе и блеске, он, как ни странно, чувствовал себя вполне комфортно и, погружаясь с головой в столичную суету, напрочь забывал обо всех своих проблемах. Здесь все выглядело как-то по-другому, здесь в нем просыпалась жажда жизни. И Голубев зачастил в столицу. Поездки «в люди», как он это называл, становились все более регулярными и длительными, и в какой-то момент ему надоело таскаться по отелям и съемным квартирам. Леонид решил обзавестись собственным жильем и окончательно осесть в Первопрестольной.

Ему хотелось поселиться именно в центре, в гуще событий, в «муравейнике», чтобы даже ночью слышать гул мегаполиса, постоянно ощущать биение жизни. Об особняке на Рублевке он и слышать не хотел — не для того срывался с насиженных мест, чтобы поменять одну деревню на другую. Общество соседей мало интересовало Леонида, а свежего воздуха он по горло наелся в родных пенатах.

— Все чисто, можно входить! — доложил появившийся в дверном проеме телохранитель.

Голубев, а следом за ним и остальные охранники двинулись в квартиру. Замыкала шествие Олеся, снова вернувшаяся к роли гида.

Предполагаемое московское жилье встретило их прохладой и тишиной. Шаги звучали в пустом пространстве неестественно громко, а голоса отдавались эхом где-то под высокими лепными потолками.

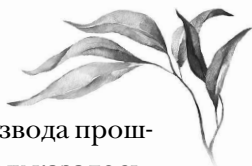
— Квартира, как вы и хотели, сто сорок два метра. — Голос у Олеси был низкий и приятный. — Прихожая-холл, четыре комнаты, ванная и кухня...

Голубев с интересом осматривался. Если уж человек в пятьдесят семь лет решается начать новую жизнь, выбрать жилье следует особенно тщательно.

Квартира понравилась ему с первого взгляда. Просторная, уютная, несмотря на недавно сделанный современный ремонт, каким-то непостижимым образом сохраняла дух старины. Впрочем, к чести того, кто приводил это помещение в порядок, следовало отметить, что сделал он это осмотрительно, так как понимал, что новый хозяин переменит здесь все.

— Вот тут, направо, самая большая комната, тридцать восемь метров, она отлично подойдет для столовой... — вела экскурсию Олеся. — Здесь можно даже устраивать небольшие приемы, человек на двенадцать-пятнадцать.

Леонид усмехнулся про себя. Какие приемы, солнышко, какие гости? Бизнесмен Голубев в роли радушного хозяина — это абсурд, ему проще представить себя штурмующим горные вершины или опускающимся с аквалангом на дно моря, что было его давнишней мечтой. Общительностью он никогда не отличался. Смолоду был застенчив, стеснителен, особенно с девушками. Оттого и женился поздно. Более того, эта неловкость с противоположным полом отчасти сохранилась до сих пор. Он так и не научился нужным образом вести себя с женщинами, перед сдержанными робел, а настойчивых боялся как огня. Оттого и продолжал носить обручальное

кольцо — на всякий случай, хотя после развода прошло уже восемнадцать лет. Жену он, как ему казалось, любил, но сохранить семью не сумел — никакая женщина, даже такая мудрая и терпеливая, как Валечка, не сможет смириться с тем, что муж совершенно не обращает на нее внимания, почти не разговаривает с ней, практически не бывает дома и двадцать четыре часа в сутки думает только о работе. Тогда-то ему казалось, что он делает все правильно и существует именно так, как и должен существовать... Но только спустя много лет, и то не сам, а с помощью друга Георгия, Леонид осознал, что долгие годы просто-напросто прятался в свое *Дело*, как устрица в раковину, отгораживаясь створками от остальной жизни. После развода его личная жизнь не сложилась. Была еще одна любовь, пожалуй, даже большая, но из нее не вышло ничего хорошего...

— Обратите внимание на колонны и лепнину на потолке — все старинное, только, разумеется, отреставрированное. — Тонкая ручка с дизайнерским маникюром взметнулась вверх. — Как и паркет, это мореный дуб, ему больше ста лет, но он в отличном состоянии.

«А девочка действительно очень мила... Может, предложить ей встретиться, потом, когда все эти квартирные хлопоты закончатся? А что? Я человек свободный, как Жорка выражается, холостой-незарегистрированный, имею право... Интересно, она согласится?»

— Теперь попрошу сюда. Это тихая комната, окна выходят в сад — посмотрите, какой приятный вид, летом тут все буквально утопает в зелени, и шума

почти не слышно... На ваше усмотрение тут можно будет сделать кабинет, гостиную или библиотеку.

— Камин работает? — поинтересовался Голубев, легонько постучав заостренным носком туфли по ажурной решетке.

— Да, мы недавно проверяли. Вот даже кочерга осталась. — Олеся изящно склонилась над очагом и зачем-то поворошила остатки пепла. Короткая кожаная курточка слегка задралась, и Леонид невольно задержал взгляд на ее бедрах, обтянутых черными брючками. Ему очень понравилось, что пояс брюк доходил у девушки до самой талии — современную моду на штаны с коротким и широким верхом, которые при малейшем движении чуть ли не полностью открывали ягодицы и трусы-стринги, Голубев не выносил.

— Теперь пройдемте к дальним комнатам. Любую из них вы можете сделать спальней...

Две оставшиеся комнаты были поменьше, окна тоже выходили в сад. Определенно ему нравилась эта квартира!

— Лично я предпочла бы для спальни вот эту, а в соседней устроила бы гардеробную, — продолжала Олеся. — Она побольше, и там сохранилось великолепное старинное зеркало.

— Зеркало? — переспросил Леонид, чуть поморщившись. С недавних пор он стал с неприязнью относиться к зеркалам — слишком уж безжалостно они напоминали то, о чем думать вообще бы не хотелось...

«Ну, хорошо, ухаживания, рестораны, цветы, подарки — это все понятно. А что будет, когда,

по Жоркиному выражению, дело дойдет до дела? Боюсь, как бы ни была она хороша, с ней с первого раза тоже может не получиться... И как она тогда себя поведет? Открыто выразит недовольство? Промолчит, но скорчит гримаску? Или начнет утешать и подбадривать — ничего, мол, со всеми бывает?»

— Да. Дизайнеры его оставили, потому что оно очень хорошо сохранилось, хотя ему тоже больше ста, а то и ста пятидесяти лет. Помните, я вам уже рассказывала, что этот дом был выстроен в середине девятнадцатого века князем Загоскиным, двоюродным дядей когда-то очень известного, а сейчас забытого писателя? Но позже князь разорился, его имущество пошло с молотка, особняк стал переходить от одних хозяев к другим...

Эта дежурная лекция уже начала утомлять Леонида. Он сам отворил дверь в последнюю комнату, вошел — и тут же замер на месте. «Бог ты мой, да это же... Я?!»

Навстречу ему из противоположной стены шагнул... он сам. Но только не нынешний Леонид Голубев в возрасте под шестьдесят, крупный промышленник, владелец огромного холдинга, шикарно одетый, в стильных очках, обрюзгший, с морщинами, поредевшими седыми волосами и выпирающим животом, а тот Леня, которым он был более четверти века назад — худой, с пышной шевелюрой и застенчивой улыбкой, в джинсах «Леви Страус» и в тонкой ярко-синей синтетической водолазке, Валечка называла ее цвет васильковым. Точно, эту водолазку подарила Валя на тридцатилетие, они тог-

да еще только-только поженились! А джинсы привез из-за границы дядя Саша, друг отца... И вот этот самый Ленья, в этих самых новеньких джинсах и водолазке, которые давно уже где-то сгнили, теперь открывал дверь в стене напротив и входил в комнату с выражением любопытства на свежем молодом лице. Выражением, которое, впрочем, тут же сменилось удивлением и даже ужасом.

— Едрена мать! — ахнул Голубев.

Встревоженная охрана тотчас кинулась к нему.

Олеся попыталась их успокоить:

— Извините, я еще не успела предупредить... Это зеркало, о котором я говорила. Оно расположено напротив двери. А Леонид Николаевич просто не ожидал его увидеть...

Зеркало. Это действительно было зеркало, огромное, занимавшее чуть ли не полстены, обрамленное резной дубовой рамой, широкой, в две ладони, как на старинных картинах. И тот, кто померещился Голубеву в зеркале, был просто отражением, но отражением, словно переносящим его владельца на четверть века назад. «Черт, этого же не может быть! Я что, схожу с ума?»

Голубев зажмурился и прислонился к стене.

— Что с вами, Леонид Николаевич?

— Вам плохо?

— Вызвать врача?

— Блин, тут даже присесть некуда!..

Он открыл глаза и сделал успокаивающий жест.

— Тихо, ребята, все нормально!

Повернулся к девушке и проговорил, извиняясь:

— Голова слегка закружилась. В мои годы, знаете ли, это бывает... Давление, сосуды не в порядке...

Вы, Олесечка, даст бог, еще долго с этим не столкнетесь... Вам ведь года двадцать три?

— Двадцать четыре.

— Ну, вот видите... В вашем возрасте люди еще не понимают, что значит слово «здоровье»...

Леонид говорил и говорил, пытаясь отвлечься на пустую болтовню, а сам все не решался вновь взглянуть в зеркало — что-то отразится в нем на этот раз?..

— Вам правда лучше? Может, все-таки врача? — Тревога и участие на ее лице казались искренними.

— Не беспокойтесь.

И он все-таки отважился. Сгруппировался внутренне, точно перед прыжком в холодную воду... и снова заглянул в зеркало.

Он увидел комнату, полуоткрытую дверь, дубовый паркет, лепнину на потолке, белые тисненные обои и выходящее в сад старинной формы окно. Увидел столпившихся охранников и тоненькую фигурку Олеси, повернутую к зеркалу в три четверти оборота. А в центре этой композиции он снова увидел самого себя — но уже сегодняшнего, со всеми современными атрибутами, включая очки, залысины и серый костюм, сшитый на заказ в Лондоне.

Конечно, то, что ему почудилось несколько минут назад, просто обман зрения, галлюцинация — но, черт возьми, какой же явной, отчетливой и реальной она была! Он ведь не просто увидел со стороны молодого себя, он будто бы на миг снова вернулся в те далекие года, в самое начало восьмидесятых, когда не был еще директором Завода, да что там, даже мечтать об этом не смел! Когда были еще живы отец

и мама, когда он был с Валечкой и думал, что впереди еще много-много времени...

«А ведь в душе я остался прежним, — пронеслось в голове у Голубева. — Несмотря на все эти годы, опыт, все то, что было сделано, пережито, несмотря на борьбу, взлеты и падения... Я все тот же, и мне все еще тридцать!»

Но из зеркала на него глядело сегодняшнее отражение...

«Ну вот, у нас с тобой уже галлюцинации начались, — мысленно сказал ему Леонид. — Ну, ничего страшного, бывает, переутомился. Вот переберусь сюда насовсем и на некоторое время вообще забуду о делах. Приведу в порядок квартиру, сделаю ремонт, обставлю все тут на свой вкус... Буду ходить в театры, на выставки, в музеи, чаще встречаться с Жоркой, Инной...»

— Ну как вы? — осторожно поинтересовалась Олеся. — Вам лучше? Хотите продолжить осмотр? Или вам сейчас все-таки лучше поехать в гостиницу?

Голубев кинул быстрый взгляд на часы.

— Да, пора. Мне сегодня еще на телевидение... Хотелось бы немного прийти в себя перед эфиром.

Девушка заметно огорчилась:

— Как жаль... Вы ведь еще не видели кухню, ванную... Ванная комната здесь — настоящее произведение искусства!

Леонид улыбнулся и пожал тоненькую руку:

— Думаю, успею еще вдоволь налюбоваться и кухней, и ванной. Я покупаю эту квартиру. Так что можно все оформить. Только сделайте все как можно быстрее, идет?

Глава 2

В которой старые грузья рассуждают о молодости, а молодые женщины не считают нужным скрывать свои взгляды на жизнь

К Москве Леонид привык на удивление быстро и вскоре уже с недоумением вспоминал о том, что мог жить где-то еще и называть *своим домом* какое-то другое место, а не особняк на Бульварном кольце с уютным садом за красивой оградой. Прелестная Олеся расстаралась, и оформление документов действительно не заняло много времени. В начале ноября Голубев официально сделался собственником.

Затевать грандиозный ремонт он не стал — не было ни желания, ни необходимости. Во-первых, стремился поскорее перебраться в столицу; во-вторых, все и так было в прекрасном состоянии. Поэтому Леонид ограничился сменой обоев в трех комнатах из четырех да заказал новую каминную решетку Сереже Сластину — талантливому молодому кузнецу из Екатеринбурга, к которому всегда обращался в подобных случаях, — и с энтузиазмом принялся обставлять новое жилище.

Голубеву всегда нравились интерьеры, устремленные в прошлое, а квартира в особняке и не предполагала никакого иного решения. Однако превращать свой дом в подобие музея или антикварного магазина он тоже не собирался — хотелось, чтобы новое место обитания получилось не только красивым, но и удобным. Не желая доверять собственный комфорт чужим людям, Леонид Николаевич отказался

от услуг дизайнерских фирм и занялся всем лично, иногда консультируясь у специалистов и поручая многочисленным помощникам только техническую работу — отслеживание доставки, оформление оплаты и тому подобное. А сам штудировал всевозможные каталоги. Целыми днями ездил по мебельным и антикварным салонам, ворочался ночами, раздумывая, как лучше решить проблему освещения в прихожей, и даже специально слетал в Париж только затем, чтобы выбрать в знакомом магазинчике часы для каминной полки. Попутно побывал и в Италии, навестил свою виллу на побережье и проконтролировал строительство еще одного своего любимого детища — красавицы-яхты, звавшейся «Любимая», в честь единственной женщины в его жизни, которую он любил.

Обустройство нового дома отняло немало времени и сил — намного больше, чем он планировал изначально, — но результаты превзошли все ожидания. Московское жилье получилось восхитительным. В квартире сохранялся дух времени, но при этом она стала настоящим жилищем состоятельного холостяка из двадцать первого века. Леонид готов был целыми днями бродить по своему новому пристанищу, то присаживаясь в гостиной на диван с шелковой обивкой, то переходя в столовую, чтобы вновь и вновь любоваться подлинными картинами в тяжелых резных рамах и коллажами из старинных фотографий времен Первой мировой войны, то заглядывать в кухню, где в добротную мебель из натурального дуба была встроена самая современная техника.

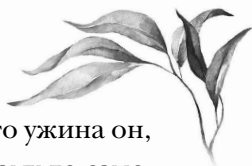

Из старого дома в родном городе он привез многие личные вещи, одежду, библиотеку, которую начала собирать еще бабушка, да любимую коллекцию зонтов. Зонты были маленькой слабостью Голубева. Когда-то он прочел, что сначала они были знаком высокого положения в обществе и только много лет спустя превратились в доступное каждому средство защиты от дождя или солнца. С точки зрения Леонида, этот аксессуар не утратил своего значения и по сей день, став частью имиджа, так же, как часы, обувь или автомобиль. Сам он предпочитал зонты-тростки, поскольку считал, что они гораздо надежнее складных и придают шарм и элегантность своему владельцу, но в его обширной коллекции, помимо зонтов-тростей от Jean Paul Goultier, Ferge, были и «карманные» зонты вплоть до миниатюрных, зонт с шестнадцатью спицами вместо положенных восьми и даже предмет реквизита с «Мосфильма» — зонт, с которым щеголял персонаж Олега Даля в фильме «Не может быть!». Один из лучших экспонатов его коллекции — швейцарский зонт конца девятнадцатого столетия — занял почетное место в специальной подставке как элемент декора прихожей.

Единственное, что сначала смущало Голубева в новом, но быстро ставшем привычным и родным доме, — это старинное зеркало, сыгравшее с ним шутку при осмотре квартиры. Первое время он даже подумывал избавиться от этого антикварного предмета, тем более что комнату, где оно висело, планировалось сделать спальней. Начинать или завершать день воспоминаниями о странной галлюцинации не было никакого желания. Но, к счастью, видения

больше не повторялись, а к зеркалу Леонид быстро привык и даже, можно сказать, полюбил его. Во всяком случае, ему нравилось в него смотреться. Известно, что идеальных отражающих поверхностей не бывает — в каждом кроется хоть один, хоть малейший дефект, который, однако, на поверку может обернуться как недостатком, так и достоинством. Скажем, если зеркало искривлено вширь или по диагонали, то отражающиеся в нем предметы приобретают смешные и нелепые очертания. Но ведь оно может также изменять отражение, вытягивая его по вертикали — не слишком, а чуть-чуть, еле заметно, — и тогда люди, глядясь в него, видят себя выше и стройнее, чем они есть на самом деле. Очевидно, какой-то подобный изъян таился и в недрах старинного посеребренного стекла, украшавшего голубевскую новую спальню. Во всяком случае, собственное отражение в нем казалось Леониду как-то лучше и симпатичнее, чем во всех других зеркалах. Пожалуй, даже и моложе, но, конечно же, не на двадцать пять лет, как померещилось тогда.

Словом, с квартирой все получилось отлично. А вот с прелестным риелтором возникли небольшие проблемы. Как только все документы были оформлены, Голубев сразу же пригласил Олесю отметить это событие в одном из своих любимых ресторанов за Окружной дорогой — Russian style. Девушка охотно приняла приглашение и весь вечер была совершенно очаровательна. Леонид улыбался, шутил, слушал ее милый голос и смех, а про себя просчитывал возможные варианты будущего по оптимистическому, пессимистическому и реалистическому сценарию.

Но вышло совсем не так. После чудесного ужина он, как галантный кавалер, доставил свою даму до самого подъезда — Олеся жила в одном из «сталинских» домов на проспекте Мира. У парадного, зажатого между ярко освещенных зеркальных витрин модных магазинов, прозвучал традиционный вопрос о приглашении на кофе. В ответ девушка огорошила его заявлением:

— Леонид Николаевич, хочу вас предупредить. Конечно, я могу пригласить вас подняться, но при этом вы действительно получите *только* кофе. Я не из тех, кого привлекают встречи «на разочек». У меня есть друг, который меня вполне устраивает, и менять постоянные отношения я буду только на другие постоянные отношения, которые устроят меня еще больше.

В первый момент Голубев чуть руками не развел от изумления. Даже покосился на свое отражение в витрине, словно хотел призвать его в союзники. Ну разве можно в столь юном возрасте быть такой расчетливой и прагматичной, если не сказать — циничной! Позже, поразмыслив, он пришел к выводу, что Олеся, пожалуй, права. В наше время молодая красивая женщина иначе не проживет, а если и проживет, то уж, во всяком случае, многого не добьется.

И все-таки душу тут же принялся подтачивать изнутри противный червячок сомнения. «Это она так с тобой говорит, потому что ты для нее богатый старик. Был бы перед ней молодой и смазливый парень, пусть не на новом Rolls Roys'е, а на разбитой Audi и с зарплатой две паршивых штуки в месяц, она запела бы совсем по-другому... Сама бы на шею

повесилась! А ты в свои пятьдесят семь ни на что другое не годишься, кроме как выкачивать из тебя деньги и подарки, а за спиной хихикать с молодым любовником над твоими неудачами в постели...»

Леониду ничего не оставалось, как галантно поцеловать девушке ручку, еще раз поблагодарить за прекрасный вечер, усестся в свой автомобиль и в сопровождении охраны умчаться подальше от этого подъезда и зеркальных витрин. Надо сказать, что с женщинами он привык быть честным, а постоянная подруга, тоже довольно молодая, у него уже имелась. С Инной, известной фотомоделью, регулярно появлявшейся на страницах глянцевого журнала, он познакомился четыре года назад во время очередного визита в Москву на какой-то светской тусовке. Тогда ему и в голову не могло прийти, что эта случайная встреча что-то повлечет за собой, но Инна, видимо, решила иначе. Почти каждый раз, когда Леонид оказывался в столице, на его пути так или иначе оказывалась зеленоглазая шатенка с крупным чувственным ртом. Однажды они очутились рядом за столом на торжественном обеде в честь юбилея бизнес-партнера Голубева. Леонид что-то рассказывал ей, жестикулируя, и девушка вдруг завладела его ладонью.

— Какая у вас интересная рука! — сказала она, рассматривая линии.

— Вы умеете гадать? — улыбнулся Голубев. В хиромантию, гороскопы, спиритизм и прочую мистическую чушь он никогда не верил.

— Да, я даже специально этому училась... У вас очень странная фигура на ладони, я такой никогда ни у кого не встречала — круги на бугре луны.

— Что это за бугор луны? — поинтересовался он из вежливости. Девушка указала изящным пальчиком на холмик в основании ладони, с противоположной стороны от большого пальца.

— Вот он. У вас он очень развит — это говорит о том, что вы человек целомудренный и чистый сердцем, склонны к мечтательности и сентиментальности.

— Гм!.. — недоверчиво хмыкнул Леонид.

— Но вот эти круги... Очень, очень странная фигура. Точно годовые кольца на стволе дерева. Надо посчитать, может, их число соответствует количеству прожитых вами лет?

У Голубева не было никакого желания развивать эту тему в разговоре с молодой и очень привлекательной собеседницей.

— А больше ничего на моей руке не привлекло вашего внимания? — быстро спросил он.

— Привлекло. И очень меня огорчило.

— Вот как? Что же это?

— Ваше обручальное кольцо... Впрочем, что я говорю?.. Такой потрясающий мужчина, конечно, не может быть свободен...

А дальше все вышло как-то само собой.

Торжество они покинули вместе, Голубев, разумеется, вызвался отвезти девушку домой, потом предложил заглянуть к нему, и она согласилась. В постели Инна подкупила Леонида тем, что, как это называется у современных дамочек, сразу *брала инициативу в свои руки*, тем самым изначально избавляя его от страха перед возможной неудачей. С опытной, раскрепощенной и чувственной партнершей (хотя он и

подозревал иногда, что ее чувственность больше наигранна, нежели искренна) он ощущал себя вполне комфортно. Приехав в столицу, он обязательно в первые же дни звонил Инне и, если та оказывалась в городе, проводил в ее обществе часть «командировочных» вечеров. Они вместе ходили в рестораны, на модные премьеры и светские тусовки, потом ехали к Голубеву, в гостиницу или на квартиру, которую он снимал. Но, как бы ни было поздно, Инна старалась никогда не оставаться у него до утра, а всегда уезжала через несколько часов, объясняя это тем, что не любит просыпаться где-либо вне собственного дома — ведь только там у нее есть все необходимое, чтобы привести себя в порядок. Голубев не возражал — такое положение вещей его вполне устраивало. Это ведь только для молодых слово «ночь» имеет характерный сексуальный привкус, с годами же темное время суток хочется посвятить прежде всего отдыху, полноценному сну в просторной и удобной кровати. А для «интима» прекрасно можно найти и другое время.

Хотя Инна ни разу не позволила себе пойти дальше тонких намеков, Леонид догадывался, что она мечтает о большем. Конечно, находясь рядом с Голубевым, девушка как сыр в масле каталась. Обзавелась шикарной квартирой в элитной новостройке, уже в третий раз сменила автомобиль, активно пользовалась связями и знакомствами своего покровителя для устройства собственной карьеры — а уж о таких мелочах, как шубки и драгоценности, можно было даже не вспоминать. И все-таки ее не устраивал статус московской любовницы круп-

ного промышленника, ей хотелось стать его официальной подругой, а еще лучше — законной женой. Однако Леонид не торопился делать предложение. Он отлично отдавал себе отчет, что за человек его приятельница. Инна была женщиной яркой и уверенной в себе, появиться с такой в обществе было совсем не стыдно. Но вот что касается пресловутого «для души»... Здесь все оказалось совсем не так гладко. И, как ни странно, причина крылась отнюдь не в разнице возрастов, просто у них не совпадали жизненные ценности. Это выяснилось во время их первого и единственного совместного отпуска. Сначала они очень долго выбирали место, поскольку никак не могли найти вариант, который устроил бы обоих. Инна рвалась на Сейшелы, Мальдивы или, на худой конец, на Ибицу, Леонидом же двигало любопытство, жажда новых впечатлений. Если бы врачи позволили, он занялся бы дайвингом — всегда мечтал опуститься на дно океана, посетил бы джунгли Амазонки, пустыню Сахару или даже Антарктиду, но увы! Об экстремальном отдыхе и экзотических странах не могло быть и речи, нужно было выбирать место с мягким климатом. В итоге остановились на турне по Греции и островам — Голубев, много бывавший в Европе, увидеть родину Гомера и Олимпийских игр до той поры пока не удосужился. Инна сначала морщила носик, утверждая, что в Грецию ездят только рыночные торговки, но после завлекательного рассказа менеджера турагентства о разработанной специально для них персональной программе и, главное, обозначения стоимости предстоящей поездки милостиво согласилась.

Три недели, проведенные вместе, недвусмысленно дали понять Леониду, что с Инной они не пара. Он рвался все объездить и осмотреть, заказал все возможные экскурсии, плюс норовил побывать повсюду самостоятельно — она бы с удовольствием провела все дни в отеле у бассейна, попивая диетический фруктовый коктейль и нежась в лучах южного солнца. Голубев до беспамятства гонял гидов, интересовался страной, знакомился с бытом местных жителей, стремился посещать музеи, театры, церкви, питаться в ресторанах национальной кухни и заглянуть чуть не в каждую кофейню. Инна разглядывала античные памятники с выражением обязанности, от пеших экскурсий быстро уставала, в еде отдавала предпочтение только знакомым блюдам, а из местных достопримечательностей ее привлекали лишь магазины.

Но, конечно, главная причина была не в этом. Общая атмосфера, улыбки и радушие местных жителей, теплый климат, море, диковинные южные растения, витавший в воздухе дух таинственной и прекрасной античности — все это настроило Леонида на сентиментально-романтический лад. Ему хотелось долгих ночных прогулок по пляжу под ласковый шелест волн, интересных, а может быть, даже и душевных разговоров, понимания и тепла. Но очень скоро Голубев осознал, что выбрал для этого совсем не подходящего компаньона. Его воспоминания или рассуждения не вызывали никакого отклика. Инна не перебивала его, но почти каждый раз, рассказывая что-то, Леонид чувствовал, что мысли ее где-то далеко. Он замолкал, оборвав на полуслове

очередную историю о любимом Заводе или изложение пришедшей в голову идеи насчет геополитики, и она тут же принималась щебетать о чем-то своем.

Однажды, во время очередной «романтической» прогулки под луной, Голубев спросил свою спутницу:

– Ты могла бы максимально честно ответить на вопрос, который я тебе сейчас задам?

Девушка удивленно взглянула на него:

– Что такое?

– Просто обещаю тебе.

– Ну хорошо, я постараюсь.

– Скажи, Инна, как ты ко мне относишься?

Разумеется, он менее всего ожидал, что подружка кинется к нему на шею с горячими поцелуями и еще более жаркими признаниями в любви. Подобных слов, похоже, вообще не было в ее лексиконе, если, конечно, речь не шла о драгоценных камнях или продукции известных фирм. Ему было просто интересно, что она скажет, точнее, как сформулирует свой ответ.

Инна на миг задумалась, машинально накручивая на палец прядь волос.

– Ну-у... Если уж совсем честно... Я вижу в тебе опору. И воплощение своих планов на будущее. Ты – состоятельный, известный, нежадный и нетребовательный. Почти идеальный вариант для такой девушки, как я.

Помолчала и, спохватившись, добавила:

– Разумеется, я отношусь к тебе очень хорошо. Ты такой милый...

После того отпуска Леонид даже подумывал, не расстаться ли ему с Инной, но решил, что делать

этого не стоит. Во всем, что не касалось работы и бизнеса, он всегда стремился избегать конфликтов, особенно с женщинами, с которыми всегда старался вести себя как можно более вежливо и деликатно, так как с юности относился к ним точно к существам с другой планеты — восхитительным, но совершенно непонятым и непредсказуемым. К тому же, несмотря на все, как выражался друг Жора, «запятаые», как подруга Инна Леонида вполне устраивала. За четыре года он успел привыкнуть к ней, и менять ее на другую, которую еще нужно было изучать и к которой необходимо было приспособливаться, не было никакого желания. И кроме того, у его Инессы, как он ее иногда называл, хоть ей это и не очень нравилось, было одно неоспоримое качество, за которое он готов был простить ей абсолютно все. Она никогда не напоминала ему о его возрасте, никак не подчеркивала разницу в годах и совсем не подавала поводов для ревности.

Решению Леонида о переезде в Москву Инна обрадовалась несказанно. Горела желанием помочь сначала в выборе жилья, потом в ремонте и обустройстве, подсовывала каталоги и визитки, рвалась вместе съездить по магазинам, но Голубев каждый раз мягко отклонял ее предложения. Хотелось сделать все самому, участие в этом процессе другого человека было бы для него вторжением в его собственный мир. Ему удалось несколько охладить пыл подруги и даже уговорить ее подождать с визитами на Бульварное кольцо до того момента, когда квартира будет полностью обставлена. Но, как только это случилось, Инна тут же примчалась, долго ходи-

ла по комнатам, осматривала, хвалила его вкус, но несколько раз не смогла удержаться от замечаний.

— Мне кажется, было бы лучше отодвинуть туалетный столик чуть подальше от кровати. Так хуже видны его резные ножки, да и рисунок на покрывале теряется...

— Нет уж, извини, дорогая, — с улыбкой отвечал Голубев, — но столик будет стоять так, как *мне это удобно*.

Инна кивнула и, поняв, что разумнее будет перевести разговор на другую тему, принялась восхищаться старинным зеркалом.

— Какая красивая рама! Сразу видно, что это антиквариат, сейчас не делают ничего похожего. И знаешь что? Мне кажется, это зеркало меня стройнит, я в нем как будто еще выше и тоньше... Нет, правда, что ты улыбаешься? Потрясающее зеркало, как жаль, что у меня нет такого! Думаю, если бы я каждый раз с утра смотрелась в него, у меня целый день было бы хорошее настроение!

— Обидно, что я не могу тебе его подарить. — Леонид постучал костяшками пальцев по раме. — Оно наглухо вмонтировано в стену.

— А может, мне почаще оставаться у тебя до утра? А? Как ты думаешь? — поинтересовалась она, продолжая вертеться перед зеркалом и бросая через него кокетливые взгляды на Голубева.

— Ты же сама говорила, что не можешь провести ни одного утра в разлуке со своими фенами, лосьонами и тониками, — напомнил он.

— Мы могли бы купить сюда все необходимое.

Леонид усмехнулся про себя. Ну да, конечно, этого следовало ожидать. Раз образовалась квартира,

в ней должна завестись и хозяйка. Не поселиться, а именно *завестись*, постепенно заполняя территорию своими вещами, переставляя столики и устанавливая свои порядки...

«Ну почему я так этому противлюсь? — подумал он. — В мои-то годы, с моим-то здоровьем, после всех этих приступов, гораздо лучше иметь рядом какого-то человека. Будет хотя бы разговаривать с тобой, и не потому, что это его работа... А я, словно молодой парень, зубами держусь за свою свободу. Будто мне и правда тридцать лет...»

Он покосился на свое отражение, которое глядело на него с легкой и, как показалось Голубеву, заговорщицкой улыбкой.

— Кстати, мы так и не решили, куда поедем сегодня ужинать, — громко сказал Леонид. — Кажется, ты говорила о каком-то местечке на Арбате, где мы с тобой еще не были?

Инна была девушкой понятливой, и вопрос о покупке фенов и кремов в квартиру на Бульварном кольце больше не поднимался. Они продолжали встречаться точно так же, как до переезда Леонида, разве что чуть чаще.

Перебираясь в столицу, Голубев думал, что вынужден будет мотаться в родной город на Завод с той же регулярностью, с которой раньше приезжал в Москву. Но выяснилось, что в этом нет необходимости. За долгие годы процесс уже был настолько отлажен, что им прекрасно можно было руководить, как теперь в шутку называл это Леонид, «из центра». Его заместители, тщательно подобранные и проверенные, были толковыми ребятами, да и значитель-

ную часть подразделений своего холдинга Голубев давно перевел в столицу. Леонид регулярно бывал в московском офисе, но с радостью чувствовал, что уже не испытывает такой зависимости от работы, как раньше. У него вдруг, впервые в жизни, появилось свободное время. Точнее сказать: появилось *время, свободное от работы*. Уж что-что, а скучать было некогда. В столице, в отличие от родного провинциального города, всегда находилось чем заняться, здесь постоянно что-то происходило, куда-то срочно нужно было ехать, что-то делать, с кем-то встречаться... Для Голубева началась та самая круговерть, то самое бурное течение жизни, к которому он всегда так стремился. На что хотел — на то и налетел, как говаривала его покойная бабушка.

Голубев как раз приходил в себя после успешно закончившихся важных переговоров с индийцами в своем новом кабинете — в офисе на семнадцатом этаже престижного бизнес-центра, когда в кармане пиджака зазвучала электронная версия *Yellow submarine*. Престижная модель *Nokia* предназначалась для самых близких людей. Кроме секретарей, помощников, заместителей и прочих членов его команды, в записной книжке этого телефона значились только еще два номера.

«Инеска, что ли? — удивился Леонид. — Вроде для нее еще рано...» Но на экране высветилось другое имя.

— Привет рабочему классу! — раздался из трубки сочный бас Жорки. — Ни от чего не отрываю?

— Ты как раз вовремя. — Леонид был очень рад слышать голос старого друга.

— Как делищ-щи? Как вы там живете-можете?

— Да вот, сижу, думаю — что-то с Жоркой давно не виделся...

— Дык давай пересечемся, какие проблемы! Я все выходные дома, ни одной плановой операции, тьфу-тьфу-тьфу, нет. — Георгий заведовал хирургическим отделением в детской больнице.

Голубев быстро проскроллил страницы электронного ежедневника.

— И у меня завтра вся вторая половина дня свободна. Можем вместе пообедать или поужинать. Мне тут Инесса такое симпатичное местечко показала...

— Ленька, ты же знаешь, ну не люблю я этих твоих кабаков! Ни тебе расслабиться, ни прилечь, ни ремень на пузе расстегнуть...

— Тогда давай ко мне! Возьмем вина, закажем еды какой-нибудь вкусной из ресторана... Хочешь — приезжай один, хочешь — с Людмилой.

— Нет, давай уж ты к нам! А то Дашка собралась на выходные нам своих архаровцев подкинуть. А Людмилка уже пироги затеяла...

При упоминании имени жены в его голосе прозвучала особая нежность. После тридцати лет совместной жизни Жора продолжал любить супругу. Ни его горячая южная кровь, ни бытовые неурядицы, ничто другое не охладило этой любви.

— Ладно, уболтал, черт речистый! — улыбнулся Голубев.

С Георгием Латария они были знакомы чуть не с рождения — еще на одном горшке сидели, как выражался Жорка. Их отцы были лучшими друзьями,

бок о бок работали на Заводе, были неразлучны, женились на подругах, и сыновья у них появились почти одновременно — Леня был моложе Жоры всего на полгода, но с детства привык относиться к нему как к старшему. Учились они в разных классах (рожденный в августе, Георгий пошел в школу на год раньше), но вне школы постоянно общались до тех пор, пока не подросли. Тут их дороги разошлись. Отец Леонида, человек способный и очень целеустремленный, сумел пройти путь от простого инженера до главного, и юный Голубев собирался продолжить семейное дело, с детства даже не представляя себе иного будущего. А балагура и всеобщего любимца Жору постоянно кидало из крайности в крайность — то он, насмотревшись кино, собирался идти служить в милицию, то вдруг всерьез увлекался историей и в конце концов, где-то классе в девятом, заявил, что хочет стать врачом, причем учиться будет не где-нибудь, а в Москве. Сначала друзья и родные отнеслись к новой идее Жорки как к очередной блажи — и напрасно. Парень окончил медучилище, потом уехал в столицу и трижды брал штурмом облюбленный институт, работая между вступительными экзаменами санитаром в психиатрической больнице. На третий раз ему повезло. Везло и дальше. После вуза и ординатуры Георгий остался в столице, устроился в неплохую клинику, получил комнату, женился на хорошенькой москвичке Людочке, обзавелся двумя детьми — сыном и дочкой и по сей день был вполне доволен своей судьбой, несмотря на все трудности, которые переживала российская медицина.

Разумеется, с момента переезда Жоры в Москву друзья стали общаться меньше — Голубев первое время бывал в столице нечасто, а Георгий после смерти родителей и вовсе перестал навещать родной город. Но все-таки старая дружба оказалась сильнее разлук и расстояний. «Выезжая в люди», Леонид каждый раз обязательно встречался со старым приятелем и все эти годы считал Жорку самым родным для себя человеком. Отчасти и решение о переселении в Москву было вызвано желанием почаще слышать рокошующее: «Здорово, дружище, как делищ-щи?» Никто, кроме Жорки, вот уже лет двадцать не называл его Ленькой. С тех пор как Голубев сделался сначала директором Завода, а потом и главой холдинга, ему стало намного труднее общаться с людьми. Практически все окружающие видели в нем прежде всего «большого человека». И только Жорка ухитрялся вести себя так, будто перед ним был прежний Ленька, без всяких телохранителей, «Роллс-Ройсов», счетов в банках и интервью в аналитических передачах. И Голубев был ему за это очень благодарен.

Латария обитали в небольшой трехкомнатной квартире в Измайлове. Уже на лестнице чувствовался аромат выпечки и слышны были вопли архаровцев — дочка Георгия Дарья ухитрилась произвести на свет двух сыночек с разницей в десять с половиной месяцев, при этом даже в один календарный год. Когда знакомые начинали подшучивать над этим фактом, она только руками разводила: «Очень уж хотелось девочку!» Петька и Федька, кареглазые и носастые — в деда, но белобрысые, как их отец

Макс, были похожи словно близнецы и обладали совершенно неукротимым нравом. Голубев их обожал. Он вообще любил детей и всегда мечтал о сыне, которого назвал бы в честь своего отца Колькой. И Валечка, бывшая жена, тоже хотела ребенка, но не получалось, у нее были какие-то проблемы со здоровьем. Впрочем, что уж сейчас об этом вспоминать, дело давнее...

Отобедали по обычаю обильно и очень вкусно — Людмила была потрясающей кулинаркой, такого харчо и таких пирогов, как у нее, не найти было ни в одном, самом лучшем ресторане. Архаровцев, наигравшихся в подаренные Леонидом гоночные автомобили, всеобщими усилиями загнали спать в дальнюю комнату. Бабушка осталась с ними, а старые друзья вернулись в столовую-гостиную, чтобы за бокалом привезенного Голубевым отменного Chateau Margaux неспешно поговорить о своих мужских делах.

— Спину что-то заломило, — пожаловался Леонид, устраиваясь на видавшем виды диване, отказавшемся по причине возраста раскладываться и списанном за это из спальни в большую комнату.

— Ну еще бы, как ты сегодня навозился-то с малолетними бандитами! — усмехнулся Георгий. — Скакал, что твой молодой козлик, я даже испугался за тебя. Сильно прихватило?

— Не, ничего, вроде отпускает... — Голубев осторожно потер поясницу.

— Ясное дело, лет-то нам не по шестнадцать... Стареем... Вот послушай, что на днях от одного орла услышал — хохотал, как сумасшедший: «Старение

ты мое, старение, крови медленное струение, птица уже не залетает в форточку, девица, как зверь, защищает кофточку...»

— Жорка, ну тебя, не смешно совсем! — перебил, поморщившись, Леонид, которому почему-то сразу вспомнилась Олеся.

— Ты считаешь? А меня позабавило. — Хозяин ловко откупорил бутылку и разлил вино по бокалам. — Давай, дружище, выпьем! За здоровье! Да что с тобой, чего ты вдруг скис? Так спина разболелась? Может, таблетку дать? А хочешь — мазью разотру, мне всегда помогает?

— Да не спина, — отмахнулся Голубев, ставя на журнальный столик бокал, к которому даже не приотронулся. — Понимаешь, я последнее время что-то все думаю, думаю, вспоминаю... Такое чувство, что жизнь прошла мимо, а я еще даже и не начинал жить!

— Неудивительно. Ты же всю дорогу работал — когда тебе было жить? — Георгий с наслаждением смаковал напиток. — Эй, хорошее вино! Умеешь ты выбрать, Ленка!..

— Конечно, прошла она не совсем даром, — задумчиво продолжал Леонид, играя полным бокалом. — Не могу сказать, что мне мучительно больно за бесцельно прожитые годы... Я отдал их своему *Делу*. Если бы в сутках было тридцать, сорок, сто часов, я бы и их проводил на своем Заводе. Ты ведь не знаешь всего, что мне пришлось пережить, я тебе и половины-то не рассказывал... А время было трудное. Я тогда Завод из руин поднимал, как младенца больного выхаживал. Чего-чего только не было!

Конкуренты, враги, разборки с криминалом, сложности с властями, проблемы с сотрудниками, ненависть, предательство... И все-таки я был счастлив!

— Тебе так казалось. — Жора пожал плечами и опустошил свой бокал. — Ты просто не представлял себе ничего другого, никакой другой жизни. Причем не только когда директором стал, а гораздо раньше... Ты давай вино пей, а то я тут хлещу в одинарика!

— Знаешь, такое ощущение, будто во мне живут два разных человека. — Леонид машинально опустошил бокал. — Иногда я чувствую себя отвратительно старым, усталым, нудным и сентиментальным... Но чаще всего, особенно последнее время, после переезда сюда, кажется, что мне лет тридцать. Я еще молод, полон сил, все впереди... Яхту затеял строить... Хочется путешествовать, соблазнять женщин, может, даже с аквалангом нырнуть, всегда об этом мечтал, или хоть на гитаре играть научиться...

— Короче говоря — жить. На полную катушку. Заниматься всем тем, что мы делали, пока ты на своем заводе ишачил, — улыбнулся Георгий и смачно хрустнул яблоком. — А теперь у тебя все упущенное дает о себе знать. Я давно это понял — в жизни обязательно надо пройти через все в свое время. Это как детские болезни, всякие кори с краснухами. Нужно переболеть ими лет до пятнадцати, иначе потом хуже будет. Вот послушай историю. У моей Людки подружка есть, еще с института. В юности страшенькая была, ну и решила, что мальчишки и всякая любовь-морковь не для нее, она по-другому будет самореализовываться. Стала грызть гранит науки,

чуть зубы не сломала, зато все честь по чести — золотая медаль, красный диплом, аспирантура, кандидатская, докторская, сразу после полтинника членкором стала. Замужем, естественно, никогда не была, к мужикам ближе чем на километр не подходила... А недавно вдруг как гром среди ясного неба! Взяла да и влюбилась на старости лет. Теперь она такие чудеса вытворяет, что то ли смеяться, то ли плакать. Парень бедный, на двадцать лет ее моложе, просто не знает, куда деваться. Она ему звонит и молчит в трубку, караулит у подъезда, записочки пишет, цветочки через фирму присылает...

— Свихнулась, стало быть, на почве стародевичества? — усмехнулся Голубев.

— Так в том-то и дело, что нет! Психиатры проверяли — мозги в полном порядке, никаких патологий не выявлено, просто, выражаясь нормальным человеческим языком, заиклилась. А все почему? Потому что не пережила ничего подобного ни в тринадцать лет, ни в семнадцать. А сейчас компенсирует. Ну, еще по одной! Давай я тебе освежу.

— Выходит, я тоже что-то... компенсирую? — Леонид подставил бокал.

— Выходит, так. Ну, будем.

— Знаешь, Ленька, — проговорил после паузы Георгий, — я вот смотрю на тебя и удивляюсь. Ты вот такой успешный и богатый, да что там богатый, богатейший человек, олигарх практически...

— Ну уж и олигарх! — Голубев сделал глоток, потом второй и отметил, что почти не чувствует вкуса.

— Ну а то! Вон какое дело делаешь, миллиардами ворочаешь, вся страна тебя знает. Казалось бы — та-

кой человек должен настоящим монстром быть, акулой империализма! А в душе все тот же пацан, с которым мы полсотни лет назад на коньках гоняли и в войнушку играли на пустыре за школой. Славный парень и какой-то... Неиспорченный, что ли. Вот скажи, как тебе это удалось?

— Понятия не имею, — пожал плечами Леонид. — Наверное, ты прав — все оттого, что я, кроме работы, ничего другого в жизни и не видел.

— Ну, наконец-то ты это понял. Дружище, за такое дело надо выпить!.. Работа — это здорово, конечно, я это понимаю, как и ты, наверное, без своей больницы, будь она неладна, на другой же день загнусь, про пенсию и слышать не хочу... — продолжал Георгий, наполовину опустошив свой бокал. — Но у нормального мужика должно быть и что-то еще. Другие интересы, женщины, хобби, футбол, в конце концов!.. Но прежде всего, я думаю, семья. Я, пока молодой был, даже представить себе не мог, насколько это, оказывается, важно. Ты же знаешь, дважды от Людмилки чуть не ушел. А сейчас жить без нее не могу. Без нее, без Дашки с Димкой, без архаровцев этих...

— И что ты, как врач, посоветуешь? — поинтересовался Голубев. — Раз мне не так повезло в жизни?

— Начать жить. ЖИТЬ, понимаешь?

— Не поздно ли начинать? — горько усмехнулся Леонид. — Когда завтра уже на свалку пора?

— Ну знаешь! — басовито возмутился Жорка. — Такое чувство, что я не с ровесником разговариваю, а со стариком столетним. В наши годы люди еще о-го-го! Карьеру всюю делают, женятся, любовниц молодых заводят, детей рожают...

— Смеешься, что ли? Какие дети в пятьдесят семь лет?

— Очень умные, это даже наукой доказано. У восьмидесяти процентов детей, рожденных от зрелых отцов, уровень интеллекта значительно выше среднего. Ты же всегда хотел сына Кольку! Вот возьми сейчас — и обзаведись наследником. Пусть подрастет где-нибудь продолжателем рода. А ты будешь ему помогать, навещать, когда есть время и желание, привяжешься — вот тебе и смысл жизни.

— Нет, Жорка, я так не могу. Воспитание не то. Я убежден, что дети должны расти в полноценной семье, с обоими родителями...

— Так заведи семью, кто ж тебе не дает? А что? Хоть с той же Инной своей. По-моему, она спит и видит тебя под венец повести.

— Нет, Инна не по этой части, — покачал головой Голубев. — Дети, пеленки, бутылочки, бессонные ночи не для нее. Да и не хочу я на ней жениться, если честно. Не тот она человек. Конечно, я встречаюсь с ней, хожу на всякие тусовки, где лучше появиться не одному, а с яркой спутницей. Она красива, умеет себя подать. По-своему я даже привязан к Инне. Но жениться... Нет уж.

— Ну так другую найди. Можно подумать, это проблема для такого орла, как ты. Да за тебя замуж любая побежит, еще бы, сам Леонид Голубев на нее внимание обратил!

Леонид покачал головой и грустно рассмеялся:

— Нет, Жорик, поздно мне уже семьей обзаводиться. Надо было все делать вовремя, вот как ты, например.

— Тогда политикой займись! — Георгий опять потянулся к бутылке. — Уж для этого-то грязного дела пятьдесят семь — самый возраст!

— Сил нет, дружище. Элементарных физических сил, здоровья...

— Чудны дела твои, Господи! — усмехнулся Жора после паузы. — Вот сидит передо мной сам Леонид Голубев — и жалуется на жизнь. Ты, которому чуть ли не вся страна завидует! Да с тобой любой бы поменялся судьбами, просто так, не глядя! Такие деньги...

— А мне иногда кажется, что никаких денег мне не надо. Тоже с кем-нибудь поменялся бы, кто не так богат, зато молод и здоров...

Снова возникла пауза. Они молча допили вино.

— Помнишь, когда мы совсем маленькими были, нам твоя бабушка Тамара сказку рассказывала про молодильные яблоки? — проговорил Леонид. — Я последнее время часто эту сказку вспоминаю... Вот бы съесть такое яблочко — и разом стать молодым!..

Георгий усмехнулся:

— Ну, эликсира молодости ученые, конечно, еще не изобрели... Но — думаю, что для тебя это не новость, — медицина сейчас быстро развивается и буквально творит чудеса. Ты человек небедный, можешь себе позволить всякие омолаживающие процедуры. Где-то у меня была визитка одного орла, у него целая клиника, которая такими делами занимается, где-то на Третьяковке... Найти телефон?

— Можно попробовать, — пожал плечами Леонид. — Вот только поможет ли?

— Поможет, — заверил Жора. — Говорят, если чего-то очень сильно захотеть, то это у тебя обязательно будет. Тебе ли об этом рассказывать!

— Здесь не тот случай...

— Как знать, — подмигнул Георгий и разлил по бокалам остатки Chateau Margaux.

Глава 3

В которой Леонид Голубев ищет способ помолодеть, а находит подходящего собеседника

Приехав домой на Бульварное кольцо, Леонид сразу же прошел в спальню, наглухо зашторил окна, включил все имеющееся освещение, разделся, подошел к старинному зеркалу в дубовой раме, оглядел себя и тяжело вздохнул. В этот раз зеркало и не думало деликатничать. С той стороны стекла на Голубева смотрел человек с коротко и аккуратно подстриженными, но все равно заметно поредевшими седыми волосами, округлым, чтобы не сказать — обрюзгшим, морщинистым лицом и, мягко говоря, далекой от идеала фигурой. Спереди выпирал живот, по бокам нависали типичные для мужчин жировые складки, именуемые в народе «крыльями», мышцы одрябли, кожу на лице и на теле никак нельзя было назвать здоровой и свежей.

— Да, общий вид, конечно, не радует, — усмехнулся Леонид, обращаясь к зеркалу. — То, что ты мне показало в самый первый раз, выглядело куда привлекательнее... Хотя, с другой стороны, дело, быть может, не так уж безнадежно. Например, в отличие от Жорки, лысины у меня еще не наблюдается. Можно попробовать подкрасить волосы в какой-нибудь ес-

тественный цвет, вроде того, что у меня был в молодости, только понасыщеннее... Опять же, несмотря на живот и прочее, все-таки никак нельзя сказать, что я непомерно разжирел... Тот же Жорка намного потолще меня будет. Если как следует за себя взяться, гимнастику там поделать или еще что-то в этом духе, то, думаю, форму еще можно будет восстановить. Ну и косметические процедуры всякие... Я, конечно, не эстрадная звезда, подтяжек и сложных операций делать не буду, это смешно. Но вот второй подбородок хорошо бы убрать... И с мешками под глазами что-нибудь сделать... В общем, завтра же позвоню этому доктору, как его, Лодкину, что ли? Жорка говорит, что этот парень творит настоящие чудеса...

Голубеву казалось, что он воспрял духом, однако отражение в зеркале продолжало смотреть на него скептически. Это выглядело так, словно бы душа Леонида разделилась на две части — одной хотелось действовать, верить и надеяться, а другая отстраненно наблюдала за первой со снисходительной усмешкой: ну-ну, мол, дерзай, увидим, что у тебя получится. И выходило, что зеркало как раз отражало выражение лица именно второй половины. Голубев шуточно погрозил ему пальцем:

— Не балуй!

Надо сказать, что почти всю жизнь, до того, как он начал стареть, зеркала Леониду Голубеву очень нравились. Это пристрастие сохранялось у него с самого детства. Конечно, не потому, что он, как девчонка, любил вертеться перед ними, рассматривая себя, — уже года в четыре такие вещи были ниже его достоинства. Просто зеркала всегда завораживали

его, интриговали и манили таинственной картиной перевернутого мира. Его удивляли и восхищали метаморфозы, когда правая сторона, отражаясь, вдруг оказывалась левой, и наоборот. Особенно это было заметно на надписях. Лет в шесть-семь любимой забавой Леньки было взять с полки наугад, не посмотрев на обложку, лучше всего даже с закрытыми глазами, книгу, поднести к зеркалу и прочитать название и автора. Столь же интересно было положить прямо перед зеркалом лист бумаги и попытаться что-то нарисовать или написать, глядя только на отражение. А еще маленький Ленька замечал, что зеркала меняют не только неодушевленные предметы. Кот Барсик почти всякий раз, увидев свое отражение, выгибал дугой спину, задирает хвост трубой и угрожающе шипел, точно хотел напугать другого зверя, сидящего по ту сторону стекла. Почти все Ленины приятели перед зеркалом принимались кривляться и гримасничать, и даже взрослые, солидные люди в присутствии зеркал вели себя совсем иначе. Взглянув на свое отражение, они, кто нарочно, а кто совершенно неосознанно, переставали сутулиться, расправляли плечи, подтягивали животы, поправляли одежду или прическу, напускали на лицо серьезное выражение или, наоборот, улыбались.

Став взрослым и состоятельным, Голубев сохранил свою привязанность к зеркалам и при оформлении помещений почти всегда старался использовать этот элемент декора, увеличивая пространство. Потом начался период, когда Леонид вдруг резко и остро невзлюбил зеркала и даже начал избавляться от них, оставив их дома только там, где это было